Иван-царевич и Сам с ноготь-борода с локоть

Жил-был царь. У царя был сын Иван-царевич. Захотелось ему в поле погулять; и вот он ходил по лесу близ недели. Натака́лся на Горыню-богатыря; потом они сдружились, пошли с ним вместе. После этого еще натакались на Усыню-богатыря. Их составилось трое теперь.

Доходят они до такого дома, в диком лесу. Дом этот кругом заперт. Подходят к воротам; ворота на тяжелом замке заперты. Заставлял он Усыню-богатыря замок ломать; Усыня-богатырь никак не мог этот замок изломать. Горыню заставлял (Иван-царевич все глядит на них); Горыня тоже не мог поломать замок этот. А Иван-царевич после них — как взял за замок — куды замок полетел: живо все разломал и ворота отворил. Заходят они во двор, увидели там разной скотины — коров, овец — много.

Нужно им ворваться в комнаты, а дверь тоже на тяжелом замке заперта. Иван-царевич тогда их не заставлял, взял за замок, изломал, заходит в комнаты. В комнате никого нет. Прошли они в амбары, нашли мяса и белого хлеба; притащили, начали мясо жарить и самовар ставить. Приготовили они кушанья, наелись.

А дров у них во дворе нету, не предвидится. Нашли они топоры; Иван-царевич говорит, что «мы пойдем с Горыней дрова рубить, а ты, Усыня, к вечеру нам нажарь и навари больше говядины». — Усыня-богатырь варит говядину; кинулся в комод, в комоде деньги нашел, выворотил их из бумажнику, деньги посчитывает, а сам песенки попевает, веселится. Потом является к нему Сам с ноготь, а борода у него с локоть; сказал: «Кто в дому?» — А Усыня отвечает: «Я, Усыня-богатырь!» — «Тебя и надо!» — Взял Усыню-богатыря, принялся его трепать; до того его ухайкал и под лавку запихнул, а пищу у них нагадил, только вроде ополоски оставил. Ушел он тогда из комнат.

Усыня-богатырь кое-как развернулся, отошел; принес свежей говядины, начал сызнова варить. *Варю* приставил, сам размухлынился (голову растрепал), сидит невеселый. (Ухайкал тот его.) Приходит Иван-царевич с Горыней-богатырем — товарищ у него невеселый. — «Что же ты, товарищ, очень невеселый! Как нас встречаешь! Или что нездоров?» — Усыня отвечает, что «я угорел». — Сели, поужинали, ночь переночевали.

Поутру позавтракали, оставляют Горыню-богатыря варить, а сами пошли дрова рубить, Иван-царевич с Усыней-богатырем. Горыня-богатырь приготовил пищу, посиживает за столом, деньги посчитывает. Приходит к нему Сам с ноготь-борода с локоть. — «Кто у меня в дому?» — «Я, Горыня-богатырь!» — «Тебя и надо!» — Взял Сам с ноготь-борода с локоть и принялся его трепать — только у него ножки мелькают — как он его полыщет! До того его добил, что и под лавку забил; запихнул, сам отправился в путь.

Сидит (Горыня), размухлынился так же. Приходят его товарищи. — «Что ты, Горыня-богатырь, не весел?» — «Да не привыкшен я; жарко, видно, закрыл в избе, угорел, головушка болит». — Поужинали, легли спать.

А поутру назавтракались. Иван-царевич их проводил дрова рубить, а сам остался варить. Приходит к нему Сам с ноготь-борода с локоть. — «Кто здесь?» — «Иван-царевич». — Подскочил к нему, хотел его взять: Иван-царевич его толкнул, он к порогу улетел. Тогда он подбегает, лезет к Ивану-царевичу опять к рылу; тогда Иван-царевич схватил его за бороду и начал об пол бить; много время хлестал, наконец выбросил его на двор. Его товарищи приходят. Иван-царевич спрашивает: «Как ваши головушки угорели? Сильно ли?» (Смеялся над ними!) Сели за стол, наелись как требно быть.

Иван-царевич сказал: «Пойдемте искать здешнего хозяина, который вас бил!» — То они искали по всем конюшням и везде — нигде не могут найти. Однако пришли к одному месту, тут есть вроде колодца такое провалище. То они нашли снасти, связали долгий канат и изладили зыбку; сделали также валок, к зыбке приладили. Иван-царевич сел. — «Если я найду его, убью там, приду обратно, тряхну за веревку — вы меня тащите!» —Тогда спустили его. Вот он ходит-ходит, натакался на дом: стоит дом не хуже того; заходит в этот дом.

В первой комнате сидит девица. Он с ней поздоровался. Девица отвечает: «Куда, молодец, пошел?» — Иван-царевич отвечал: «Я пошел искать самого хозяина Сам с ноготь-борода с локоть»! — Девица отвечает: «Это наш хозяин». — «Где же он?» — «Поди во вторую комнату: там сидит девица, она тебе скажет!» — Во вторую комнату пришел, увидала его девица; с ней он поздоровался. — «Куда же ты, молодец, пошел?» — «Я пошел вас просить здешнего хозяина, где он есть?» — Девица эта отвечает: «Поди же ты в третью комнату, там сидит девица: она тебе скажет, а я не скажу!»

Заходит он в третью комнату; такая девица сидит — одним словом, фрейлина: очень хороша всем. С девицей он поздоровался. — «Куда, молодец, пошел? Скажи: откуль, какого роду-племени?» — Иван-царевич ответил: «Я роду не простого, Иван-царевич; нужно бы мне вашего хозяина кончить; скажи мне, где он есть?» — Девица отвечала: «Если ты меня возьмешь замуж (когда если кончишь его), тогда я тебе скажу!» — Иван-царевич отвечал: «С великой охотой, умница, я тебя возьму, только скажи! Нужно мне его замирить (кончить)». — Девица отвечала:«Поди же ты к этому вот амбару; в этом амбаре есть два бочонка: один бочонок живой воды, а другой — мертвой; ты эти бочонки с места на место переставь: мертвую воду на живую, а живую на мертвую! Тогда иди вот в этот подвал: в этом подвале он спит; когда если сила есть, так можешь ты его бить. И все-таки он очувствуется, сколько ты его ни бьешь; тогда он живой воды напьется, очувствуется, опять будет живой жить!»

Приходит он в этот подвал, увидал его сонного, взял его за бороду, давай его бить об землю, где о пол, до той степени его растрепал, наконец бросил его. Полежал Сам с ноготь немного, соскочил, кинулся к бочонку; накатался тогда он мертвой воды, тогда его на три части ро́зорвало.

Приходит Иван-царевич к девице (к первой); брал их всех трех, приходит к этому провалищу, где у него зыбка спущена. Тогда посадил первую девицу, тряхнул за канат; молодцы, Горыня-богатырь с Усыней, принялись, вытащили девицу. Тогда Горыня-богатырь: «Вот мне невеста!» — А девица отвечает: «Спущайте: там еще две девицы!» — То они спустили зыбку; посадил Иван-царевич вторую девицу. Вытащили вторую девицу; говорили тогда Усыня с Горыней-богатырем, что «Нам будет по девице; не будем больше!» — Эти упрашивают: «Спустите, может вам и та приглянется лучше еще!» —Тогда они спустили в третий раз; вытащили и третью девицу (посадил он).

Последняя девица очень красавица: Горыня-богатырь говорит, что «я возьму эту замуж». А девица упрашивать: «Вытащите Ивана-царевича!» — То они спустили зыбку и оговариваются: «Если нам его вытащить, он нам не даст
невесты». — То они удумали: дотащили много, отрезали канат, он и бухнулся назад. («Вот-де убьем его!») — Тогда последняя девица — купеческая дочь, проживалась тут — повела в свой город их.

Иван-царевич ходил много время там; разыскал такой дуб; на дуоу есть могут-птицыны дети. Накатилась туча и град сильный, начало побивать, а

дети начали пищать. Очень скоро на дуб Иван-царевич залезал, пальто с себя снимал, закрывал от граду детей. Проходит только туча, и́ха мать летит, увидала Ивана-царевича, хотела его исхитить; а дети отвечают. «Пожалей, мать, не шевель его!» — Мать спустилась на землю, отвечала: «Иван-царевич, что тебе нужно? Я тебя пожалею!» — «Мне бы нужно на тот свет, вот в такое-то провалище вылететь».

То Могут-птица сказала: «Вот тебе лучок и стрелы, давай стреляй дичятины мне на жертву!» — То он настрелял много всякой птицы; потом они наготовили, нанередили и отправились в провалище лететь. То она могла его вывести из этого провалища. Тогда распростились с ней; она спустилась назад, а он отправился в ход по земле.

Нечаянно Иван-царевич в этот самый город приходит, где хорошая девица, купеческая, живет. А у этого купца собирается пир на весь мир; свою дочь хочет венчать на Горыне-богатыре. Народ идет, и Иван-царевич также приходит у него во дворец. Съехалось много князей, и бояров, и купечества — полны комнаты, и много во дворе народу; во дворе было тесно — много народу теснотились. Иван-царевич одного толкнет, а десять валятся. Тогда народом сдумали его запереть в такой курятник, чтобы не было его тута, мошенника.

Купеческая дочь обносила всем по бокалу, искала своего жениха, Иван-царевича; нигде не может найти. (Она ищет его все-таки.) Одному подносит бокал, а у него рука не подымается, бокал принять не может. Девица: «Почему рука у тебя болит, отчего?» — «Есть такой хитник, пришел во дворец к вам: одного, — говорит, — толкнул, 10 повалились, чуть и всех нас не убил!» — «Где же он?» — «Мы его затолкали в курятник, заперли народом». — То девица купеческая не стала водку подавать, пошла молодца в курятнике глядеть, что за молодец. Приходит, обознала Ивана-царевича, подала ему бокал водки, поцеловала его, взяла за ручку, повела в комнаты.

Приводит его в комнаты; тогда Горыня-богатырь с Усыней ахнули, испужалися. Тогда сказал Иван-царевич: «Что вы, подлецы, наделали? Как я вам показывал, почему вы меня не вытащили?» — Тогда пали перед ним на колени, сказали, что «Иван-царевич, как можно, пожалей нас!» — Иван-царевич пожалел их, приказал на тех девицах жениться им: которая наперво вытащена, на Усыне-богатырю, а вторая — Горыне. Иван-царевич приказал всем повенчаться враз. Поехали они в церкву, повенчались.

То приказал после этого своей жене баню изготовить. Приходит в баню; она натащила на него хорошие рубашки и подштанники. Он и говорит: «Мне это не нужно, у меня рубашки свои есть!» — А у него было кольцо: перебросил он с руки на руки это кольцо, выскочило 25 ухорезов. — «Что ты, Иван-царевич, нас покликаешь, на какие работы посылаешь?» — «Нужно мне царскую одежду предоставить — рубашку и подштанники хорошие, свежие! (Не хочу, — говорит, — женино надевать, подай свое!)» Вымылся, обрядился в царскую одежду. Приходит он в купеческие палаты; приказывал своей жене задать себе не меньше трех ведер водки. Купец завел пир на весь мир; кутили сутки.

Дело к ночи идет. Тогда купеческой дочери велел у родителя спросить: «Где под полом подведены матки здоровые (чтобы не мог пол подломиться подо мной)? — На три часа я лягу спать; буду храпеть — дом ваш затрясется, — говорит, — пущай ваш родитель не пугается: это будет только на три часа». Купец сказал: «Вот тут матки здоровы положены: тут можете, Иван-царевич, ложиться!» — Жена ему раскинула постелю мягкую — перину пуховую, подушки мягкие, и одеялом соболиным приукрыла. Заснул он крепко; стал очень храпеть, и комнаты дрожат. Родитель у него испужался: «Это, мила дочь, что такое будет?» — «Это не на долгое время, только на три часа, тятенька, подожди!»

То он проснулся сверх трех часов. — «Будет, милая жена, проживаться здесь: я хочу отправляться домой, меня дома потеряли». — То Иван-царевич перебросил с руки на руки кольцо свое, выскочило 25 ухорезов; сказали ухорезы: «Что ты нас покликаешь, на какие работы посылаешь?» — «Нужно мне тройку лошадей и карета с кучером!» — То предоставили ему карету и лошадей с кучером; садился с купеческой дочерью, отправлялся домой. Приезжают в свое государство, заезжают во дворец. Увидели Ивана-царевича, очень сделались рады. — «Где же ты, Иван-царевич, проживался многое время?» — «Много я, тятенька, везде блудил, много ходил, вот разыскал себе невесту хорошую, будем с ней поживать». — «Хорошее дело!»

(Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.